

ПОЭЗИЯ И «МАССОВОСТЬ»

Среди коллизий, волнующих современный мир, есть одна, особенно болезненная для деятеля духовной культуры. Многие делают вид, что ее нет, смеются над нею или прямо отрицают ее; но она есть, и внутренне все это знают.

Эта коллизия — соотношение так называемой массовости и высокого духовного потенциала, культуры «массовой» и культуры высокой, глубокой.

Традиционная для буржуазного общества ситуация, когда гений, создавший шедевр, умирает или под забором, от голода, или на улице, побитый камнями, а ловкие подражатели, эпигоны, духовные ростовщики растаскивают его наследие на клочки, на кашли, пускают в промышленность, в производство, срывают аплодисменты, обретают лавры и капитал, — эта ситуация в середине XX века получает особый смысл, оборот, остроту. Силошь и рядом ныне встает наивный вопрос, нужны ли вообще художественные и прочие духовные гении, вообще крупные таланты. Блок чуть не семьдесят лет назад предупреждал, что XX век погибнет на популяризациях, и вот мы сталкиваемся с проблематикой, которая все же и Блоку еще показалась бы просто смешной, шизофренически-дилетантской: нужна ли вообще высокая, глубокая новая культура, духовная культура, как таковая? К тому же, мол, человечество за свои туманные тысячелетия столько наработало по этой части, что только для того, чтоб как-то приобщить массы к уже достигнутому, потребуются новые тысячелетия... да и нужно ли, нужно ли приобщать?

Нужно ли приобщать, когда любое развлекательное телеревию имеет успех, а серьезные книги не расходятся? Когда детектив-бестселлер непрерывно дает новые миллионные тиражи, а серьезный поэт валяется на прилавках количеством в три тысячи?

Что живо, то и право; а живы явно ревию и детектив; так долой «мертвое»?

Для России эти речи не новы; их слышали еще в десятилетия, двадцатые годы от футуристов, от левых. Всем известно, что из этого вышло... Со своей стороны, тот же Блок с тревогой писал еще в 1909 году: «Кажется, никогда еще не приходилось писателям попадать в такое ложное положение, как теперь. Последнее и единственное оправдание для писателя — голос публики, неподкупное мнение читателя. Что бы ни говорила «литературная среда» и критика, как бы ни захваливала, как бы ни злобствовала, — всегда должна оставаться надежда, что в самый нужный момент раздастся голос читателя, ободряющий или осуждающий. Это даже не слово, даже не голос, а как бы легкое дуновение души народной, не отдельных душ, а именно — коллективной души. Без такой последней надежды едва ли можно даже слушать как следует голос критики: не все ли равно, что говорит обо мне такой-то, когда я не знаю и никогда не узнаю, что думают обо мне «все»? Если у нас и есть надежда услышать когда-нибудь это чудодейственное дуновение всеобщей души, — то это слабая, еле мерцающая надежда».

Во многих странах Запада «левые» интеллектуалы с торжеством неофитов сейчас возвещают об этой проблеме.

Долгие годы там шли толки о смерти романа; теперь, когда оказалось, что роман не только жив, но и набирает новые силы, участились разговоры о смерти поэзии, которая, конечно же, опять-таки выступает как символ искусства вообще, как олицетворение гибели и устарелости художественных ценностей. В качестве курьеза можно напомнить, что когда обсуждалась «смерть романа», Джон Апдайк в свое оправдание как романиста ссылался на поэзию: живет же, мол, поэзия, не пристаю же к ней.

«Озабочены мы будущим стихотворчества? — писал он в журнале «Букс энд букмен». — К удивлению, нет. А ведь стих, сравнительно с повествовательной прозой, должен бы казаться более хрупким механизмом, гораздо более уязвимым от крикливого соперничества телевидения, кино и грохота транспорта... На деле поэзия выжила».

Но теперь «дошло» и до поэзии.

Внутренняя психология этих разговоров предельно проста; она идет от некоего комплекса неполноценности, вообще присущего интеллигенту в классово-антагонистическом обществе.

Раз так, раз «массам не нужна» высокая, серьезная поэзия, значит, она и вообще не нужна; приобщимся к примитиву, нивелируем свои сложные, несчастные, эгоистические души — рассуждают одни.

Раз так, раз «массам не нужна» высокая, серьезная поэзия, значит, уйдем подальше от масс, запрем дверь и опустим шторы и погрузимся в тайны своей души — рассуждают другие...

Это одно и то же, только с разных концов.

Это сдача на милость проблемы, а не попытка решения.

Горько сказал об этом перед смертью греческий поэт Сеферис:

«Быть поэтом вообще нелегко. Это искусство исчезает, так же как и искусство ремесленников» (ответ на вопрос газеты «Монд» «Легко ли быть греческим поэтом?»).

Есть и такие, кто, задумываясь о проблеме, мучаясь ею, пытается найти пути к позитивным решениям.

Вообще, в зависимости от социальных условий, «одни и те же» коллизии, связанные с приобщением искусства к массам и масс к искусству, выглядят по-разному; разные намечаются и выводы.

Для Запада, особенно для Европы, одной из типичных является, в последние годы, позиция Ганса Магнуса Энценбергера. «Иностранная литература» уже писала о новых его суждениях по части искусства и общества (№ 10, 1971). Ныне интересно взглянуть на отношение Энценбергера собственно к поэзии.

На вопрос журнала «Ваймарер байтреге» (ГДР), почему он, всеми признанный поэт, отказывается от поэтического творчества, уходит в иные сферы, Г. М. Энценбергер дает ответы, в которых видно большое желание стать «массовым» деятелем, приобрести авторитет и влияние в широких кругах населения.

Понятен внутренний импульс художника: его недовольство элитарным своим положением, его, говоря «устарелым» языком, стремление преодолеть отрыв от народа, взять барьер, отгораживающий от живой народной души («не все ли равно, что говорит обо мне такой-то, когда я не знаю... что думаю обо мне «все»?).

Но в этой ситуации Энценбергер, как представляется, выбирает путь наименьшего сопротивления, и это-то вызывает особые раздумья.

«Я вижу для поэзии только очень незначительные и очень ограниченные возможности. Я считаю, что нельзя переоценивать ее важность для политической работы... В лучшем случае стихи могут подготовить к настоящему восприятию текста... Поэтому я лично предпочел бы писать тексты для эстрадных джазов. Это может иметь политический эффект, воздействовать на широкую аудиторию, кое-что может запасть в память. К сожалению, в Германии нет таких традиций, как в Англии или в США. В наших условиях поэзия все еще остается искусством для избранных и носит характер монолога...»

На естественно возникший при этом вопрос, как он относится к практике Маяковского, который смело шел на сближение профессиональной поэзии с массами и с политикой и достиг на этом поприще явных успехов, Г. М. Энценбергер дает не лишенный остроумия ответ; смысл его сводится к тому, что если бы Маяковский имел дело с телевидением, он не вознялся бы со всякими там стихами. Он выступал бы перед миллионами зрителей с текстами, действующими прямо и недвусмысленно. Ответ свидетельствует о том, что Г. М. Энценбергер специально думал об этой проблеме, но все же такой ответ не может нас «успокоить». Не может ни по существу (слишком он внешний, этот ответ!), ни по следствиям. Ибо Г. М. Энценбергер пользуется здесь предлогом, чтобы совершенно решительно расправиться вообще с поэзией как «жанром»:

«Я не могу понять, почему интеллигенты каждый раз морщат носы, когда речь заходит о «шоу», вместо того чтобы попытаться самим сделать что-нибудь в этом роде. Я, во всяком случае, хочу попытаться это сделать так, чтобы это было и политическим, и развлекательным зрелищем, — ведь одно другого не исключает. Я хотел бы сделать еще и фильм, и телевизионную оперу. У меня возникла однажды даже мысль сделать оперетту — это очень популярная и действенная форма».

«...Я перестал читать. Литература никогда не была и, надеюсь, никогда не станет для меня самым главным в жизни».

Энценбергер сознательно идет на то, что философы назвали бы взаимоподменной «слоев» жизни, пробрасыванием звеньев связи между различными пластами действительности, духовной деятельности. Известно, что жизнь являет собою некую целостность, но это не значит, что все «внутри» этой целостности монолитно, равномерно, равноправно — равнофункционально: есть разные уровни этой целостности, она тайно и явно динамична, диалектична. Да, серьезная поэзия — это такой «слой», такой уровень жизни, который не сразу и не прямо, а через многие «промежуточные» слои, уровни, пласты целостности действует на состояние общества, на политическую атмосферу. Непонимание этого приводит к отрицанию или самой поэзии, или участия поэта в социальной жизни, что одинаково плохо. Ибо жизнь «как целостность» в конечном итоге неминуема и без того, и без этого, как немислим магнит без его полюсов, влияющих друг на друга. Сталкивание лбами того и этого чревато разрывом единого процесса, в последнем счете — поражением и в самой массовой работе, о которой заботится Энценбергер. Желание любым способом, но как можно быстрее «овладеть массами», прорваться к широкой, большой аудитории так сильно у поэта, что он жертвует главным в себе — поэзией.

Не он первый, не он последний; но деятельность духовная имеет свои законы, и она связана с экономикой, социологией, с «массовым сознанием» прочно, только не лобовым способом. Стремления упростить эту проблему, взять ее одним ударом, обойти, а не решить ее — это то, что у нас еще сорок лет назад называли вульгарным социологизмом в гносеологии, а не диалектикой (а ведь Г. М. Энценбергер говорит о

диалектике). Поэзия имеет свою специфику, «я ни в зуб ногой», как сказал Маяковский; она полезна и нужна, но полезность ее иного рода, чем та, о которой сейчас мечтает Г. М. Энциенсбергер, уставший от интеллекта и поэтических успехов в узком кругу ценителей. Он не может не знать в душе, что, отрицая поэзию, он и не достигнет искомого внутреннего покоя, и массами не овладеет.

Есть иной взгляд на проблему.

Вот менее громкое, но тоже достаточно серьезное имя: ливанский поэт Адонис. Послушаем его.

«...Сущность стихотворения — в его противоречивости, а не в гармонии. Она и в многообразии, которое охватывает мир и обогащает его... Культура сегодня не сводится к совокупности памятников и ценностей, установившихся критериев и осуществленных достижений. Она является процессом формирования, она заставляет творчество двигаться по направлению к будущему. Это — действенная культура, творящая и утверждающая человека, который, в свою очередь, творит и утверждает ее самое. Культура — это не то, что мы уже создали, но то, что мы создаем... Стихотворение не является ответом, оно — вопрос в вопросе или один вопрос, переходящий в другой...»

Через все это выступление Адониса, опубликованное в журнале «Мавакыф», проходит то подспудная, то явная мысль об активности, о динамизме культуры, о диалектике (сказали бы мы) как способе мышления и художественного «действия» у поэта. В своих формулировках Адонис несколько абстрактен, он «не снисходит» до прямых социологических выкладок, соображений; но внутренний пафос его социологичен. Адонис считает, что истинная культура должна проявлять волю, отстаивать себя от вульгарных наскоков; при этом он несколько теряет чувство меры — проявляет тот самый комплекс, который является обратной стороной энциенсбергерского. В его суждениях проскальзывает мысль, что культура, преследуя свои цели, вообще не должна обращать внимания на толпу. С этим последним тезисом, конечно, нельзя согласиться; однако же сам пафос активности культуры, активности поэзии любопытен.

В иной конкретной атмосфере и ракурсе прошла дискуссия о поэзии в Польше. Участников прежде всего волновали конструктивные вещи, связанные с молодой поэзией Польши, с ее общественным бытием, с ее внутренними задачами. Интересно посмотреть, как в этой ситуации ставился вопрос о массовости поэзии — а он ставился, и неоднократно, порой — во главу угла.

В этом плане более всего привлекает выступление критика С. Бальбуса:

«Современная ситуация в общих чертах решительным образом отличается от прежних... царит огромный диапазон эстетических привычек, уровня знаний, интересов, степени участия в литературной традиции и т. д. Этих фактов не может не учитывать не только поэзия, но и вся литература... Из сказанного мною, казалось бы, следует, что я требую от поэзии, чтобы она стала массовым искусством, чтобы она приспособилась ко вкусам публики. Ничего подобного! Проблема значительно сложнее. Зарождается принципиально новая общественно-культурная ситуация. Происходят важные перемены, чреватые последствиями как для будущей духовной жизни общества, так и для будущей литературы».

Далее С. Бальбус говорит о необходимости эстетического воспитания масс, о том, что сама общественная активность искусства, без которой оно невозможно как искусство, в свою очередь, невозможна без духовного воспитания, совершенствования массового читателя: это — взаимообусловленные факторы.

Проблема, о которой идет речь, — сложная. В том или ином виде она стоит перед всеми деятелями культуры. И решают ее по-разному. Естественно, нам ближе конструктивный пафос в поисках решений. Важно только принять верную исходную позицию.

Думая обо всех этих вещах, так и хочется вдруг сказать громко:

— Духовная культура! Не сдавай позиций! Не сдавайся на милость «победителей» — вульгаризаторов, а им несть числа; умей расслышать за «воем» псевдоискусства, псевдопророков «легкое дуновение души народной...»

Вл. ГУСЕВ